

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРЕЕМСТВО В РУССКОМ ЦЕРКОВНОМ ПРАВЕ

Цыпин Владислав Александрович, протоиерей

доктор богословия, доктор церковной истории,
профессор Московской духовной академии
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
ladislaus@rambler.ru

Аннотация

УДК 348.01

Статья посвящена механизму укоренения канонических правил эпохи Вселенских Соборов и византийских канонов в законотворческой традиции Русской Православной Церкви. Особое внимание уделено постановлениям Константинопольского патриархата и актам византийских императоров по церковным делам. Рассматриваются основные правовые церковные кодексы Византии и описывается процесс их проникновения на Русь. Очевидность византийского влияния на российское церковное право подтверждена множеством примеров, наиболее ярким из которых является брачное законодательство.

Ключевые слова: каноны, номоканоны, Русская Православная Церковь, брачное право.

Действующее право Русской Церкви включает в себя как каноны в качестве своего фундамента, так и другие акты, имеющие подчинённый по отношению к канонам авторитет. Среди них по своей важности существенную часть составляют те, которые пришли к нам ввиду пребывания Русской Церкви в течение столетий в составе Константинопольского патриархата в статусе одной из её митрополий из Нового Рима, от его церковных, а также и, в силу симфонии священства и царства, от его государственных властей. Кроме того, акты собственно русского церковного права с содержательной, материальной стороны базируются на нормах и принципах общеправославного церковного права, основы которого сложились в византийскую эпоху.

Таким образом, о византийском преемстве в русском церковном праве можно говорить, имея в виду три аспекта: каноны, принадлежащие по большей части эпохе Вселенских Соборов, которую можно отождествить с ранневизантийским периодом европейской истории; действовавшие или действующие поныне в Русской Церкви акты Константинопольской Патриархии и Ромейских Императоров; и наконец, влияние византийского, в сущности, позднего римского права, на корпус права, созданного самой Русской Церковью.

Каноны — это основные церковные законы, которые составляют фундамент действующего в Церкви права, причём одинаково во всех поместных Православных Церквах. Со времени, когда окончательно сложился канонический корпус Церкви, с 883 г. (это год издания Номоканона Патриарха Фотия в XIV титулах), Православная Церковь не добавила в него ни одного нового канона и ни одного из него не исключила. Таким образом, сама история Церкви поставила каноны так высоко, что у нас есть основания говорить о неизменности тех основ церковного права, которые в этих канонах содержатся.

Но, утверждая высокий авторитет и неприкосновенность канонического корпуса для ревизии, мы не можем одновременно настаивать на том, что все нормы права, заключённые в канонах, действуют или должны действовать в любое время и в любом месте по своему буквальному смыслу. Хорошо известно, что дисциплина наказаний, содержащаяся в правилах, была в реальной епитимийной практике основательно реформирована уже в ранневизантийскую эпоху, когда стали применяться при назначении епитимий не канонические сроки отлучения от причастия, а те, что предлагаются в покаянном Номоканоне Патриарха Иоанна Постника, содержащем более мягкие

санкции, хотя Номоканон Иоанна Постника не был включён в основной канонический свод и в иерархии авторитетных источников церковного права он стоит ниже канонов. Его рассматривают не более чем как дополнение к основному каноническому корпусу. Впоследствии дисциплина прещений по отношению к мирянам продолжала эволюционировать в сторону смягчения, так что у нас, в Русской Церкви, в XVIII веке отлучение от причастия кающихся грешников на длительные сроки было положительно воспрещено высшей церковной властью под угрозой извержения из сана, но при этом, разумеется, никто не отменял сами каноны, содержащие запрещённые к практическому употреблению в церковно-судебной практике санкции.

Ситуация парадоксальная, побуждающая нас к углублённому размышлению о статусе канонов в Церкви. Радикально простые решения — либо объявить всякое неприменение буквы правил злоупотреблением и, скажем, применительно к практике церковных наказаний настаивать на необходимости отлучения от причастия кающихся грешников, согласно правилам, на 7, 10, 15 или 20 лет, либо видеть в канонах только памятник христианской письменности и церковной истории и совершенно не считаться с ними в реальной церковной жизни — представляется одинаково не разумным, не церковным и неприемлемым подходом к проблеме.

Дело в том, что каноны по сути своей представляют приложение неизменных и вечных непогрешимых основ христианского нравственного учения и экклезиологических догматов, содержащихся либо прямо, либо *implicite* в их текстах, к изменяющейся церковной жизни. Поэтому во всяком каноне можно обнаружить, с одной стороны, укоренённость в неизменном догматическом учении Церкви, а с другой — каноническая норма всегда актуальна и, следовательно, обусловлена исторически конкретной ситуацией, связана с обстоятельствами церковной жизни, которые имели место в момент издания правила и которые впоследствии могли измениться. Таким образом, в идее всякого канона содержится неизменный, догматически обусловленный момент, но в своём конкретном и буквальном смысле канон отражает и преходящие обстоятельства церковной жизни.

Как уже было сказано, формирование канонического корпуса Православной Церкви завершилось изданием «Номоканона в 14 титулах», вторая редакция которого принадлежит Патриарху Фотию. «Синтагма» «Номоканона» Патриарха Фотия, в славяно-русской редакции составившая «Книгу правил», и представляет собой канонический

свод Православной Церкви. Ни один из позднейших церковных законов не приобретал уже в церковном праве статуса канона.

После 883 г. в истории православного церковного права начался новый этап. Вселенские Соборы на Востоке уже не созываются. Западные соборы, почитаемые там Вселенскими, не признаются таковыми Православной Церковью. Правовые определения Поместных Соборов, даже если они и получают общецерковное признание, не включаются в основной канонический кодекс Церкви, который рассматривается как уже завершённый — его составляет «Синтагма» Фотиева «Номоканона».

Главным законодательным учреждением Православной Церкви в рассматриваемый период, когда Поместные Соборы созывались нерегулярно и редко, стал Синод эндимуса Константинопольского Патриархата, так называемый домашний собор, участники которого отбирались из архиереев, случайно оказавшихся в столице. Так, при Патриархе Луке было вынесено несколько постановлений церковно-правового характера: о запрещении священникам заниматься делами, унижающими их достоинство; о том, что для низложения епископа требуется созыв Собора не менее 12 архиереев; об обязанности епископа, принявшего постриг, ждать решение Синода относительно того, может ли он и дальше совершать епископское служение; о воспрещении клиру присваивать себе церковные вещи. При Патриархе Михаиле III были изданы постановления о том, что мирскими делами не могут заниматься не только священники и диаконы, но и чтецы и вообще все церковнослужители. При Патриархе Феодосии I было издано постановление, согласно которому монастырскими настоятелями не могут назначаться лица, не имеющие пресвитерского сана.

Весьма важным источником церковного права в поздневизантийскую эпоху оставалось императорское законодательство. Императорские акты входили в состав действующего церковного права и в ранневизантийскую эпоху. Церковная тематика составляет содержание ряда мест из Кодекса Юстиниана, и главным образом Новелл. Новеллы по церковным делам адресованы, как правило, Константинопольскому Патриарху, но посылались они и другим Патриархам. Получив новеллу, Патриархи распространяли её по митрополиям, отсюда она поступала к епископам и далее — в монастыри и приходы.

Церковной тематике посвящены следующие новеллы: 3 (в ней определяется штат клириков для церквей Нового Рима), 5 (о монастырях, монахах, игуменах), 7 (о церковных имениях),

16 (о порядке перемещения клириков), 56 (содержащая запрет взимания ставленнических пошлин), 83 (о суде епископском по делам клириков), 131 (в которой устанавливается диптих первых пяти престолов Вселенской Церкви — от Римского до Иерусалимского), 137 (о хиротонии епископов, пресвитеров и диаконов). В преамбуле к 6-й новелле сформулирован принцип симфонии церковной и государственной власти — священства и царства.

Самая пространная и наиболее значительная по объёму регулируемой в ней церковной тематики — 123-я новелла. Эта новелла озаглавлена так: *De diversis ecclesiasticis capitibus* («О разных церковных главах»). Новелла включает в себя краткую преамбулу и 44 главы. Тематика новеллы связана главным образом с регулированием таких сторон церковной жизни, как порядок избрания и рукоположения во епископа, церковное судопроизводство, возрастной ценз для поставления епископов и клириков, устройство монастырей. В первой главе новеллы, в частности, перечисляются условия, которым должен соответствовать ставленник во епископа: исповедание им правой веры, безукоризненный образ жизни, в ней устанавливается также образовательный и возрастной ценз для кандидатов на епископскую кафедру. Весьма характерно в этой главе положение о том, что кандидаты во епископа, которые ранее исполняли государственную службу либо состояли в войске, должны были провести в монастыре не менее 15 лет.

В 123-й новелле святой Юстиниан устанавливает и систему соподчинённости епископов. Патриархам предоставлялась в ней власть созывать соборы в своей области и председательствовать на них, поставлять митрополитов, принимать апелляции на суды митрополитов, находящихся в их юрисдикции (22-я глава). В 12-й главе 123-й новеллы речь идёт о качествах, которым должны соответствовать ставленники на все вообще степени священства, а также на степени низших клириков. Клирики должны быть лицами православного исповедания и достойного образа жизни, грамотными, не двоеженцами, а также не женатыми на разведённых или вдовах. В клир не допускаются также чиновники, состоящие на государственной службе, и подданные, обязанные платить подати. В следующей затем 13-й главе устанавливается возрастной ценз для поставления клириков: для пресвитера — 30 лет, для диакона и иподиакона — 25, для чтеца — 18. Здесь же говорится о том, что диаконисса не может поставляться в возрасте до 40 лет. Если в клир поступали куриалы,

то они на основании 15-й главы 123-й новеллы освобождались от своих прежних повинностей в том случае, если до рукоположения жили в монастыре не менее 15 лет. В 17-й главе говорится о том, что если раб поступил в клир с согласия своего господина, то он становился свободным, а если он сделал это самовольно, то господин имеет право домогаться возвращения к себе беглого раба в течение одного года после бегства. В 14-й главе устанавливается порядок, согласно которому пресвитеры, диаконы и иподиаконы должны были вступать в брак прежде посвящения. Это установление вытекает из канонической нормы, воспрещающей вступление в брак после хиротонии. Новелла допускает в качестве исключения и рукоположение безбрачных лиц, но при обязательстве в таком случае не вступать в брак и после хиротонии. Чтец мог жениться и после хиротонии, однако если он вступал во второй брак или брал в жены разведённую, вдову либо находящуюся под церковным запрещением, то лишался права на поставление на более высокие степени.

Параллельные нормы церковного права можно обнаружить также в канонах. При этом, однако, речь не идёт о простом дублировании. Как правило, тексты новелл, по своему содержанию параллельные канонам, отличаются большей детализацией.

Необходимо также отметить, что в новеллах встречаются и такие принципиально важные нормы, которых нет в канонах и которые действовали и продолжают действовать в Церкви. Так, каноническим считается возрастной ценз для поставления во епископа — 35 лет. Между тем в канонах он нигде не устанавливается, в книге Апостольских постановлений установлен 50-летний возрастной ценз, который, во всяком случае, начиная с эпохи Вселенских Соборов не действовал в Церкви, а действующая норма относительно возрастного ценза заимствована из 123-й новеллы.

Влияние Юстинианова *Corpus'a* на российское право — это общепризнанное капитальное обстоятельство в истории права. Для русского права чрезвычайно характерно, что проводником этого влияния была почти исключительно Церковь. В то же время само церковное право, действующее во Вселенской Православной Церкви, в том числе и в церкви Русской, включает в себя ряд мест из Кодекса и Новелл святого императора Юстиниана. Эти законы вошли в состав действующего права Русской Православной Церкви чрез Кормчую книгу. В нашей печатной Кормчей они составили 42-ю главу, озаглавленную «От различных титулов, рекше граней Юстиниана царя,

новых заповедей, главы по избранию различны». В Кормчей книге новеллы приводятся в сокращённом виде, в извлечениях.

В 741 г. была издана «Эклога законов» (Εκλογή των νόμων) Льва Исавра и Константина Копронима. В этой книге собраны важнейшие законоположения из 4 сборников Юстиниана. Помимо римско-византийского права, в «Эклоге» отражено и обычное право варваров — славян, германцев, арабов. Поэтому сборник широко применялся у славянских народов, особенно у болгар, и был переведён на славянский язык. Поскольку издателями «Эклоги» являлись императоры-иконоборцы, по утверждению иконопочитания этот сборник стали приписывать православным императорам с теми же именами: Льву Мудрому и сыну его Константину, жившим столетием позже, в конце IX в.

В оригинале «Эклога» состояла из 18 глав. В нашу «Кормчую» она вошла в переработке, в 16 главах, под названием «Леона Царя Премудрого и Константина Верного Царя главизны о совещании обручения и о брацах и о иных различных винах». В «Кормчей» помещён и так называемый «Закон судный людям Царя Константина Великого». Это апокрифическое сочинение представляет собой переработанный до неузнаваемости отрывок из «Эклоги».

Между 870 и 879 гг. императором Василием Македонянином и его сыновьями Константином и Львом был издан ещё один сокращённый сборник римского и византийского права под названием «Прохирон» (Приручник). «Прохирон» разделен на 40 глав. Сборник вошел в славянскую «Кормчую» св. Саввы и нашу печатную «Кормчую», в которой он составляет 48-ю главу, названную «Закона градского главы различны в четырёхдесятих гранех».

Как уже было сказано, важнейшим средством передачи византийского правового наследия на Русь стала «Кормчая книга» святого Саввы Сербского. Основу «Кормчей» составил «Синописис» Стефана Ефесского, истолкованный и дополненный Аристином. Однако в некоторых местах, где толкования Аристина не удовлетворяли составителя, он заменял их толкованиями Зонары. «Синописис» с толкованиями Аристина, в котором правила приводились в кратком изложении, св. Савва выбрал ради удобства пользования своей «Кормчей». В свою «Кормчую» св. Савва включил также перевод разнородного церковно-правового материала. Из Фотиева «Номоканона» он заимствовал оба предисловия и систематический указатель канонов. В «Кормчую» включены византийский сборник императорских законов о Церкви

Иоанна Схоластика в 87 главах, «Прохирон», новеллы императора Алексия Комнина о браке.

В Сербии «Кормчая» св. Саввы сразу после её составления была разослана по епархиям как «Законник Св. Отец» и служила главным источником не только церковного, но и государственного права, так что позднейший «Законник» короля Стефана и «Синтагма» Властаря в сербском переводе считались лишь дополнениями к основному кодексу — «Кормчей св. Саввы». В 1221 г. «Кормчая» была послана в Болгарию, где также получила официальное признание. В 1262 г. болгарский деспот Иаков Святослав выслал на Русь список «Кормчей», сопроводив его посланием к митрополиту Кириллу. «Кормчая» была зачитана на Соборе, созванном митрополитом Кириллом во Владимире-на-Клязьме в 1272 г., и получила одобрение. Впоследствии она многократно переписывалась. Образовалось две фамилии списков «Кормчей книги»: рязанская и софийская.

Главные различия между этими двумя распространёнными на Руси фамилиями списков «Кормчей» состоят в следующем: во-первых, в списках рязанской фамилии правила даны в сокращении, а в рукописях софийской фамилии приводится их полный текст, во-вторых, в сборники софийской фамилии включались статьи русского происхождения, которых нет в списках рязанской фамилии.

В 1649 г. в Москве при царе Алексее и Патриархе Иосифе было предпринято первое печатное издание «Кормчей книги». В основу этого издания легла рязанская редакция, близкая к сербскому переводу св. Саввы. Печатание «Кормчей» закончилось в 1650 году. Патриарх Никон подверг только что изданную «Кормчую» ревизии. Им было исправлено 50 страниц книги; в свою очередь, в новую Никоновскую редакцию были внесены существенные дополнения. В 1653 г. экземпляры печатной «Кормчей» были разосланы по епархиям, монастырям, приходам. Высланы они были и на Балканы — в Болгарию и Сербию. Так возникло две редакции уже печатной Кормчей.

Первая часть печатной «Кормчей» состоит из 41 главы. Главы 1-37 содержат канонический «Синописис» с толкованиями Аристина, а в некоторых местах — толкованиями Зонары и ещё одного неизвестного толкователя. Главы 38-41 составляют дополнения к «Синописису». С 42-й главы начинается вторая часть печатного издания «Кормчей», которая содержит, в основном, законы византийских императоров: сборник из 87 титулов Иоанна Схоластика; три новеллы императора

Алексия Комнина о церковном обручении и венчании браков; гражданские законы из «Номоканона» Патриарха Фотия; извлечения из законов Моисея о наказаниях за преступления; «Закон судный людям» — компиляция, в основу которой легла «Эклога»; полемическое сочинение против латинян Никиты Стифата и другое полемическое сочинение неизвестного автора, направленное против латинян; «Градский закон» — полный перевод «Прохирона»; «Эклога» Льва и Константина с сокращениями; статья «О браках»; «Томос единения» 920 г.; правило Константинопольского Патриарха св. Мефодия о принятии в Церковь отпадших от Православия; отрывки из канонических ответов, надписанных именем Иоанна, епископа Китрского, а на деле принадлежащих архиепископу Димитрию Хоматину; канонические ответы Патриарха Александрийского Тимофея, дополнительные к его ответам, помещённым в 32-ю главу «Кормчей»; правила Василия Великого о монастырях и монахах; трактат Тимофея, Константинопольского пресвитера VI века, о приёме в Церковь еретиков; выписки из «Пандект» греческого монаха Никона Черногорца о важности церковных правил и ряд других актов византийского происхождения.

Значение «Кормчей книги» в действующем русском церковном праве уменьшилось после издания «Духовного регламента» и последующих актов российской государственной власти, регулирующих церковную жизнь. Поэтому в 1839 г., взамен «Кормчей Книги», было предпринято издание «Книги Правил», где, наряду с греческим текстом, параллельно давался перевод канонов на церковно-славянский язык, приближенный к русскому языку. Тем не менее «Кормчая книга» после издания «Книги Правил» не стала всего лишь памятником истории церковного права, она осталась частью действующего в Церкви права. Поскольку некоторые из законов византийских императоров вошли через «Кормчую Книгу» в русское право, относительную важность следует признавать даже за государственными законами византийского происхождения, включёнными в «Кормчую».

Особенно значительным было влияние имперского законодательства Византии на такую отрасль церковного права, как церковное брачное право, которое сравнительно мало регламентировано канонами, а регулируется главным образом на основании постановлений Константинопольских Патриархов, а также византийских императоров.

Так, в 428 году императоры Феодосий II и Валентиниан постановили, чтобы между свободными гражданами брак заключался

путём выражения согласия жениха и невесты, которое удостоверяется свидетелями. Император Юстиниан в своих новеллах определил: браки, не сопровождаемые никакими формальностями, дозволены только низшим классам; лицам из средних классов предписывалось являться к церковному нотариусу (экдику) и заявить пред ним о желании вступить в брак; лица из сословия сенаторов обязаны были обставлять вступление в брак заключением письменного договора о приданом и предбрачном даре.

Среди важнейших постановлений Константинопольских Синодов — «Томос единения», изданный в 920 г. при Патриархе Николае Мистике. Этим постановлением признавался действительным четвёртый брак императора Льва Философа и одновременно подтверждался канонический запрет четвёртого брака. Название постановления связано с тем, что благодаря ему восстанавливался мир между церковной и государственной властью, нарушенный незаконным браком императора. Запрет четвёртого брака сохраняет свой безусловный характер в действующем праве Русской Церкви.

Приблизительно в 895 году Лев Мудрый в своей 89-й новелле предписал заключать брак не иначе как с церковного благословения. Но этот закон не распространялся на рабов, он касался только свободных лиц. Особую значимость для церковного права получили новеллы Алексия Комнина о церковном обручении и венчании брака как неременном условии его действительности. В 1095 году император Алексей Комнин распространил обязательность церковного благословения браков и на рабов. Император Андроник Палеолог и Константинопольский Патриарх Афанасий окончательно запретили заключение брака без ведома и благословения приходского священника. Совершение христианского брака перешло в исключительное ведение Церкви. В России подобное положение, регулирование брачных отношений исключительно церковными властями, сохранялось до 1917 г.

В «Эклоге» Льва Исаврянина и Константина Копронима для вступающих в брак определён возраст: 15 лет для мужчин и 13 — для женщин, а в «Прохиране» Василия Македонянина этот возраст снижен на год: соответственно 14 и 12 лет. Оба эти источника вошли в нашу «Кормчую книгу». Стоглавый Собор установил норму: брачный возраст для мужчины — 15 лет и для женщин — 12 лет. Однако такая возрастная граница была не вполне адекватна для России с её северным климатом, задерживающим физическое взросление подростков.

Указом Святейшего Синода от 19 июля 1830 г. запрещено было венчать браки, если жениху нет 18 лет, а невесте 16. Действие этого указа не распространялось на территорию Кавказа, где сохранён был прежний брачный возрастной ценз. С тех пор в России установилось два совершеннолетия для брака: гражданское — 18 и 16 лет, и церковное — 15 и 13 лет. Брак, заключённый до достижения церковного, или византийского, совершеннолетия считается недействительным и подлежит расторжению. Недостижение же гражданского брачного совершеннолетия считалось в России синодальной эпохи препятствием только запретительным, а не расторгающим. Супругов, заключивших брак до указанного срока (жениха — от 15 до 18 лет, и невесту — от 13 до 16 лет), разлучали до наступления гражданского совершеннолетия, если последствием брачного сожительства не были беременность жены или рождение ребёнка. Правящий архиерей мог дать благословение на брак в том случае, если жениху или невесте не доставало не более полугода до гражданского брачного совершеннолетия.

В Христианской Церкви браки между лицами, связанными кровным родством по прямой линии либо близким боковым родством, строго запрещаются. Отцы Трулльского Собора в 54-м правиле постановили расторгать браки между двоюродными братом и сестрой. Но в позднейших византийских актах запрещены браки в более отдалённых степенях кровного родства. В «Эклоге» императоров Льва Исаврянина и Константина Копронима содержится запрещение браков между троюродными братом и сестрой, то есть находящимися в 6-й степени бокового родства. Константинопольский Собор 1168 г., состоявшийся при Патриархе Луке Хрисоверге, повелел безусловно расторгать браки между лицами, состоявшими в 7-й степени бокового кровного родства.

19 января 1810 г. Святейший Синод издаёт указ, согласно которому безусловно запрещались и подлежали расторжению браки, заключённые между лицами, состоящими в 4-й степени бокового кровного родства. Браки между родственниками в 5-й и 7-й степенях не только не расторгались, но даже могли быть заключены по разрешению епархиального архиерея. Подобная практика сохраняется в Церкви и ныне. Брак между лицами, связанными 5-й, 6-й или 7-й степенями кровного родства, может быть дозволен епископом, а заключённый без епископского благословения, он, хотя и признаётся предосудительным и навлекающим прещения на вступивших

в него и на священника, повенчавшего этих лиц, однако не подлежит расторжению и, таким образом, признаётся действительным.

Законодательство византийских императоров относительно разводов постепенно проникалось христианскими нравственными началами. После того как развод на основании всего лишь обоюдного согласия супругов был исключён из правовой практики, законодательство сохранило несколько причин, дававших законное основание для расторжения брака: прежде всего, по слову Спасителя, прелюбодеяние, включая и измену со стороны мужа; а также те случаи, которые можно было рассматривать как аналогию супружеской неверности или смерти. Например, аналогией прелюбодеяния считался случай, когда жена ночевала на стороне (не в доме своих родителей); аналогию смерти по этим правовым воззрениям составляет безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5 или 10 (для военных) лет.

Законные основания для развода сформулированы в 117-й новелле св. Юстиниана. Византийское законодательство различает причины развода, связанные с наказанием и запрещением брака для виновной стороны (развод *cum damno*) и причины развода, не связанные с виной супругов (развод *sine damno*). Основаниями для развода *cum damno* византийское право признавало: покушение на царя, злой умысел против него, а также недонесение начальству об умысле на самодержца со стороны другого лица — указанные преступления, как тяжчайшие, лишали виновного всех гражданских прав, это приравнивалось к его гражданской смерти, не говоря уже о том, что обычно они карались смертной казнью; покушение одного супруга на жизнь другого и непредупреждение одним из супругов другого об известном ему злом умысле — такое покушение рассматривалось как неверность, худшая, чем прелюбодеяние; прелюбодеяние; истребление женой утробного плода — вытравление плода признано основанием для расторжения брака в 22-й новелле Юстиниана, в новелле говорится, что жена, истребляющая плод, обличает в себе нравственное развращение и оскорбляет мужа, лишая его потомства; наконец, восприятие собственного ребёнка от купели крещения.

Развод *sine damno* (без вины) в византийском законодательстве допускался по следующим причинам: неспособность к супружескому сожитию, приобретённая до вступления в брак; лишь через 2 года с момента заключения брака супруга могла искать развода по этой причине — бесплодие жены, в отличие от языческого римского права,

в христианском византийском праве не признавалось основанием для расторжения брака; безвестное отсутствие одного из супругов в течение 5 лет, а воинов — в течение 10 лет, причём вероятность смерти супруга должна подтверждаться не неопределёнными слухами, а надёжными свидетельствами — в том случае, если после вступления жены солдата во второй брак первый муж возвращался, он имел право взять к себе свою жену, пленение воина не являлось основанием для развода с ним — об этом ясно говорится в 33-й новелле Льва Философа; сумасшествие супруга, являясь препятствием к браку, не могло служить основанием для развода, если оно приобретено в супружестве; брак расторгался в силу монашеского пострига одного из супругов с согласия другого; брак расторгался также в случае избрания мужа епископом.

На Руси, после её Крещения, действовали в основном те же нормы относительно прекращения брака, что и в Византии, но наблюдались и некоторые их отличия от норм византийского права. Так, участие жены в пирушках, игрищах и мытьё в бане с мужчинами не приравнивались к прелюбодеянию и не могли служить основанием для развода.

Правовые нормы, регулирующие расторжение браков, подверглись серьёзному пересмотру в синодальную эпоху. Гражданские и церковные власти ограничили число законных оснований для развода. Прежде всего это касается случаев принятия одним из супругов монашества. В «Прибавлении к Духовному регламенту» сказано: «Не принимать в монастырь мужа от живой жены». По указу Петра I, изданному в 1720 г., вечная ссылка на каторжные работы, навсегда отлучавшая осуждённого от общества, приравнивалась к его гражданской смерти и влекла за собой прекращение брачного союза. В отдельных случаях Духовные Консистории и Св. Синод расторгали браки по причине длительного сумасшествия одного из супругов, хотя в правовую норму эти прецеденты не возводили. В синодальную эпоху браки расторгали чаще всего вследствие прелюбодеяния одного из супругов. Основанием для развода являлось лишь доказанное прелюбодеяние в прямом смысле. При этом причиной развода могла служить неверность не только жены, но и, в равной степени, мужа.

Русское законодательство синодальной эпохи дозволило требовать развода супругу, принявшему христианство, если другая сторона оставалась неверной (п. 4 Указа от 12 января 1739 г.). Но закон этот противоречил учению апостола Павла: «...если какой брат имеет жену

неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его; ибо неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится, брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?» (1 Кор.7, 12-16). В 72-м правиле Трулльского Собора, запрещающем православным брак с еретиками, содержится аналогичное положение.

Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917-1918 гг. принял «Определение о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью». Законными поводами для ходатайства одного из супругов о расторжении церковного брака Собор признал отпадение от Православия, прелюбодеяние и противоестественные пороки одного из супругов, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, безвестное отсутствие, присуждение супруга или супруги к наказанию, соединённому с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги или детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, вступление одной из сторон в новый брак, неизлечимую тяжёлую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим.

Брачное законодательство — это, конечно, лишь одна из областей регулирования, в которой обнаруживается очевидное византийское влияние на российское право, церковное и государственное — до разрыва союза Церкви и государства и исключительно церковное после 1917 г. Впрочем, некоторые государственные законодательные акты советской эпохи, более определённо с конца 1930-х до середины 1950-х гг., относительно брачных и семейных отношений обнаруживают зависимость, трудно сказать — сознававшуюся законодателем или нет, с основополагающими принципами византийского права, речь идёт, в частности, о действовавших в ту пору ограничениях права на развод и, что ещё важнее, о запрете абортов, утратившем силу в 1950-е гг.

Библиография

- Бибииков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бибииков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. II. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. II. Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010..
- Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси. М., 2000.
- Иконников В.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
- Скабалланович Н. А.* Византийское государство и Церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2-х книгах. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.
- Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991.
- Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в I-XIII вв. / отв. ред. академик Л. В. Черепнин. Институт истории СССР АН СССР. М.: Наука, 1978.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. / отв. ред. член-корреспондент АН СССР А. П. Новосельцев. Институт истории СССР АН СССР. М.: Наука, 1989.

Vladislav A. Tsy-pin, archpriest

Byzantine Succession in Russian Church Law

Abstract. The article is devoted to the mechanism of the rooting of the canonical rules of the epoch of the Ecumenical Councils and Byzantine canons in the law-making tradition of the Russian Orthodox Church. Particular attention is paid to the decisions of the Patriarchate of Constantinople and the acts of the Byzantine emperors on church matters. The main legal church codes of Byzantium are considered and the process of their penetration into Russia is described. The evidence of the Byzantine influence on Russian ecclesiastical law is confirmed by many examples, the most prominent of which is the marriage law.

Keywords: canons, nomocanons, Russian Orthodox Church, marriage law.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ПЕТР (ЗВЕРЕВ) КАК ПРИМЕР ИСТИННОГО ПАСТЫРЯ В ГИМНОГРАФИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Иоанн (Самойлов), игумен

кандидат богословия,
доцент кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
i-samojlov@yandex.ru

Аннотация

УДК 281.93

Прошлое столетие, озаменованное правлением атеистической власти и антирелигиозной пропагандой, стало испытанием для Русской Православной Церкви, но в то же время породило целый сонм святых–новомучеников. Среди них особое место занимает священномученик Петр (Зверев), благоговейный архипастырь, опытный наставник и высоконравственный человек. На своём личном примере он показал практическое исполнение евангельских заповедей и пострадал за Христа, заразившись тифом в ссылке на Соловецком архипелаге и скончавшись на острове Анзер. Его жизнь примечательна для нас мужественным перенесением тягот и страданий, мудрым руководством духовных чад, безропотным несением своего креста. Логичным этапом после канонизации священномученика Петра на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года стало написание ему богослужебных текстов: тропаря, кондака, молитвы, а затем и службы. Анализ этих гимнографических текстов с точки зрения описания в ней образа истинного пастыря посвящена данная публикация.

Ключевые слова: новомученики, священномученик Петр (Зверев), Соловецкий архипелаг, гимнография, гимнографический текст, церковная служба, Русская Православная Церковь, истинный пастырь, евангельский идеал, антирелигиозная пропаганда, репрессии.